

ГЛАВА 1

Она сидит на берегу озера, у самой кромки воды, расчесывает длинные белые волосы. Подол широкой рубахи окунулся в темную воду, но незнакомке все равно. Она негромко напевает... Слов не разобрать, протяжная мелодия отражается эхом от озерной глади, растворяется в воздухе, теряется в ветвях деревьев.

Прозрачная зелень глаз, кожа будто фарфоровая... Да и вся девушка словно светится изнутри, мерцает светлым силуэтом на фоне лесной чащобы, которая подобралась совсем близко к озеру. Тонкие пальцы откладывают гребень в сторону и принимаются плести косу. Справиться с густыми волосами, которые наверняка доходят до пят, совсем не просто, однако терпения незнакомке не занимать. Коса заплетена уже наполовину. На каждой прядке под кончиками пальцев выступают алые капли, медленно стекают вниз, сливаются с другими каплями, пропитывают волосы насквозь. Незнакомка наклоняется к воде, полощет в ней косу. А кровь течет и течет, расплывается кругами на поверхности, постепенно смешиваясь с водой...

— Тимур, спишь, что ли? — раздается недовольный голос отца.

Тимур открывает глаза. По обе стороны мелькают ровные стволы сосен. Отец гонит машину по практически свободной трассе, обгоняет серебристую «тойоту». Теперь впереди больше ничего не маячит. Только на встречной полосе показывается тяжело груженный КамАЗ и быстро скрывается из виду.

Образ странной девушки у озера еще долю секунды стоит перед глазами, перекрывая реальность, но быстро исчезает.

Мелодия забывается сразу. Ее уже и не вспомнить.

— Чего ты куксишься, как девчонка? Можно подумать, я тебя на каторгу везу, а не к родной бабушке.

На самом деле Зубаржат доводится бабушкой самому Ренату. А для Тимура она — прабабушка.

Тимур украдкой наблюдает за отцом, который нахмурил брови и мрачно смотрит на дорогу. Отец совсем еще молодой, их с Тимуром часто принимают за братьев. Слишком рано Ренат обзавелся семьей. Повесил камень на шею, как сказала бабушка Найля. Тимур однажды случайно подслушал ее телефонный разговор. Ох, не надо было жениться на этой пустышке Татьяне... Да и что хорошего может выйти из брака по залету?

Тимуру было лет шесть. Он не понял тогда, что значит «брак по залету». Теперь, конечно, понимает.

— Семнадцать лет тебе, а все в облаках витаешь. Я в твоём возрасте знал, чего хочу. И деньги уже зарабатывал.

Ну да, седьмого июня у Тимура был день рождения.

— Я же тоже иногда зарабатываю. Недавно сайт на заказ делал...

— Да я не об этом.

В принципе понятно, что имеет в виду отец. Тимуру не передались его энергия, напор и предприимчивость, которые помогли пробиться в жизни, с нуля создать успешную фирму. Тимур другой по характеру. Это отца всегда слегка раздражало. А сейчас его просто раздражает все. Он вспыльчивый, хоть и отходчивый. Когда-то давно Тимуру даже прилетела пара подзатыльников, теперь уже позабылось, по какому поводу. Но почему-то было совсем не больно и не обидно. А вот сейчас чувствуется, что отца лучше не злить. Поэтому Тимур помалкивает и не вступает в дискуссию. Ни к чему нарываться.

У бабушки Зубаржат он уже как-то прожил почти месяц, девять лет назад. Когда мать узнала о любовнице отца, дома гремели затяжные скандалы. Обе казанские бабушки всюю участвовали в семейных разборках, обстановка накалилась дальше некуда. Отец сгреб Тимура в охапку и отвез в глухую деревню, где сам прежде проводил каникулы. Когда забрал обратно, в семье уже наступил относительный мир. Правда, ненадолго.

Что стряслось на этот раз, Тимур не в курсе. Громких скандалов не было, лишь иногда родители срывались на взаимные обвинения. Однако обвинения смутные и неясные, ничего толком понять было невозможно. Кажется, сейчас финал семейной жизни близок как никогда. В любом случае Тимур остается с отцом. Это решено, хотя мнением самого Тимура никто не интересовался. Мать, которая в последнее время жила отстраненно, ко всему равнодушная, смотрела вокруг пустым прозрачным взглядом, недавно просто исчезла из дома. Даже не попрощалась.

— Скоро приедем уже, — нарушает молчание отец. — Узнаешь дорогу?

— Да.

За девять лет на трассе мало что изменилось. Разве только появились новые рекламные щиты. И заправка выглядит немного по-другому. А сейчас... машина словно ныряет вниз, потом зависает в невесомости, сердце на мгновение замирает. Будто на скоростном лифте, только круче. Тимур хорошо запомнил место, где по асфальту идет глубокая вмятина. Жаль, участок короткий, и это ощущение лишь на миг. В прошлый раз, когда отец вез его обратно в Казань, Тимур во время «полета» загадал, что получит на Новый год игровую приставку. Так и вышло, хотя не просил об этом подарке и даже не намекал. И приставка оказалась именно та, о которой мечтал. Наверно, совпадение. Или?..

— Это недели на три, максимум на месяц, — примирительно говорит отец. — Связь тут до сих пор паршивая, буду стараться дозваниваться хоть иногда. Я бы мог отправить тебя куда-нибудь по путевке. Но ты ведь сам в прошлом году был не в восторге. И вообще свинство бабушку забывать. Поможешь ей по хозяйству. Да и самому свежий воздух на пользу пойдет. А то ты уже зеленый весь из-за своего компьютера.

Отец сбавляет скорость, машина сворачивает с трассы. Еще примерно полчаса, и они въезжают в деревню. Дома по обеим сторонам улицы не похожи друг на друга — крепкие, подновленные, с резными наличниками чередуются с заброшенными, у которых окна заколочены или чернеют пустыми прямоугольниками без стекол. Однако таких заброшенных участков совсем немного. Длинная широкая улица, разделяющая деревню на две части, безлюдна, из местных жителей никто навстречу не попадает. Видимо, все заняты своими делами и им некогда разгуливать по округе. Зато всякая живность

бродит тут совершенно свободно. Вскоре приходится притормозить: чуть ли не из-под колес с возмущенным гогом разлетаются гуси. Их вожак до последнего не желал уступить дорогу. Гуси здесь чувствуют себя привольно. С прошлого раза у Тимура сохранились не самые приятные воспоминания о нахальном соседском гусе, который то и дело старался вступить с ним в схватку и угрожающе шипел, словно мелкий дракон в перьях.

Машина останавливается у высокого, выше человеческого роста, глухого забора, на лужайке, поросшей повиликой. Дом бабушки Зубаржат стоит на самом краю деревни. Из-за забора слышится басовитый собачий лай. Отец еще не успевает постучать, как хозяйка широко распахивает калитку. И вот они уже на покрытом асфальтом просторном дворе.

Отец шикает на огромного пса, который скачет на цепи.

— Тише, Гром, свои!

Раньше двор охранял другой пес. Тоже помесь овчарки неизвестно с кем. И его тоже звали Гром.

— Мои дорогие! Приехали наконец-то...

Зубаржат обнимает внука и правнука, приподнявшись на цыпочки, целует в щеки, мешая русские и татарские слова, утирает набежавшие слезы радости.

— А ты не изменилась совсем, дэу эни*, — улыбается Ренат, который не видел бабушку с позапрошлого года. — Все такая же молодец.

Зубаржат в цветастом халате, голова повязана белоснежным платком с кружевной каймой, в ушах поблескивают тяжелые золотые серьги. Тимур, конечно,

* Дэу эни (татар.) — бабушка. Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.

замечает новые морщинки, появившиеся за девять лет, но это ведь неважно. Зубаржат точно не кажется дряхлой старухой, несмотря на свои восемьдесят три. Натруженные руки не дрожат, взгляд ясный, спина не сгорблена.

Зубаржат любит правнуком.

— Совсем стал взрослый, Тимурчик. И до чего же похож на Миннура... Только у него глаза были карие, а у тебя — синие...

Отец открывает ворота, потом заезжает во двор, оставляет машину возле дома. В гараж ее заводить смысла нет, ведь завтра рано утром предстоит возвращаться в Казань. А Тимур останется здесь, вдалеке от шумного суетливого города, где жизнь не замедляется даже в расслабленный отпускной сезон. В любое время года в Казани что-то да происходит, но в глухой далекой деревне все по-прежнему, дни тянутся спокойно и размеренно.

В доме пахнет пирогами — их так много на столе, разных, с яблоками, тыквой, зеленым луком и яйцом... Тут же красуется губадия*, в глубоких тарелках дымится куриная лапша. В хрустальных вазочках казанские гостинцы — курага, апельсины, конфеты. На спинке дивана разложен вишневого цвета велюровый халат с богатой вышивкой.

* Губадия — многослойный закрытый пирог. Начинается рисом, яйцами, изюмом, кортом. Иногда в начинку добавляют мясо, но гораздо чаще готовят сладкую губадию.

— Зачем тратился, улым*, — вздыхает Зубаржат. — И так полон шкаф. Куда уж мне, старухе, наряжаться.

Однако видно, что подарок пришелся ей по душе.

Они сидят в столовой, самой первой комнате, куда можно попасть сразу из просторной прихожей. Гладкий крашеный пол, круглый стол, герань и фиалки на подоконнике... Комнату перегораживает недавно побеленная печь. За печью, на кухне, стоит плита с газовым баллоном. Но Зубаржат предпочитает готовить по старинке. Только в печи получаются такие вкусные пироги, тесто буквально тает во рту.

— Тяжело тебе одной, дэу эни, — возобновляет давний разговор Ренат. — В городе все проще. Квартира свободная есть...

— Ильшат по выходным приезжает, ему не так далеко добираться. И у самой сил еще хватает. Что мне делать в вашем городе, в четырех стенах? Целый день сложа руки сидеть? Пока Аллах здоровье посылает, никому не стану обузой. В этих краях родилась, здесь и останусь, — отвечает Зубаржат и переводит разговор на другую тему: благодаря родне она в курсе недавних событий в доме внука. Осторожно спрашивает: — Может, не стоит семью рушить, улым? Помириться как-нибудь?

— Нет, дэу эни, на этот раз все. Я поэтому и Тимура сюда привез. Сейчас потечет всякая грязь, дележка начнется. Не хочу, чтобы его впутывали.

— Что ж, ты мужчина, тебе решать.

Пушистый дымчатый кот, который расположился на ковре и внимательно наблюдает за гостями, поднимает переднюю лапу в белой рукавичке и начинает

* Улым (*татар.*) — сын, сынок.

тщательно вылизываться. У кота довольно странное имя — Пснек. Пару-тройку поколений назад в семье кто-то из детей не мог правильно выговорить слово «кошка»* и перекроил его на свой лад. Прозвище прижилось, и с тех пор всех кошек в доме называли именно так. Кошки не возражали: им-то без разницы.

Воздух в бане насквозь пропах лесными травами, пар клубится под потолком. Гости задержались в жарко натопленной, настоящей деревенской бане, которая не сравнится ни с какой сауной или стильными городскими подделками. Выходить отсюда просто не хочется. Отец тянется за березовым веником, на смуглом плече четко виднеется татуировка. Тату отец набил уже лет пять назад, но Тимур раньше не интересовался, что означает этот сложный причудливый узор. В обычное время он не бросается в глаза, даже из-под рукава футболки выглядывает лишь самый край рисунка.

— Пап, а что твоя татуха значит?

Тот небрежно пожимает плечами, разглядывает тату, словно видит впервые:

— Даже и сам не помню уже. Вроде там в основе трезубец, древний болгарский оберег. И плюс еще символ воды. А остальное уже мастер нафантазировал. Он для каждого клиента уникальный рисунок придумывает, никогда не повторяется. Мне тогда просто эскиз понравился, поэтому его выбрал.

— Я тоже себе набью?

* По-татарски «кошка» — «песи».

— Ну, как хочешь. Посмотрим.

После бани и чая с душицей спится так сладко... Но Тимур почему-то просыпается, потягивается на кровати. Через коридор, в маленькой комнате напротив, отец сидит у распахнутого окна, сигаретный дым клубится в лунном свете.

— Пап, ты чего не спишь?

— Все вспоминаю, как жил тут когда-то. Скоро лягу.

А ты спи, сынок.

Отец давно его так не называл.

